

Новое о Шенгели

Л.П. Гроссман

Перевод поэзии и поэзия перевода

...Первоклассный поэт, замечательный исследователь и теоретик стиха, мыслитель и обаятельнейший человек – это все о нем, о Георгии Аркадьевиче Шенгели. И добавлю: неутомимый труженик, подвижник – мне слышится в этом слове другое – подвиг, – человек необъятной эрудиции и разнообразных интересов-увлечений, и несокрушимой уверенности в своей поэтической и научной правоте...

Его литературное наследие огромно и опубликовано, надеюсь – пока, далеко не полностью. Единственное исключение – десятки тысяч мастерски переведенных им стихотворных строк: Байрон, Гюго, Эредиа, Верхарн и многое еще, по счастью, издано, переиздано, признано – и поэтами, и читателями. Правда, в архиве есть и неопубликованное – и, по-моему, превосходное, – о чем еще скажу, однако нынешнее представление читающей публики о Шенгели-переводчике может быть несравнимо полнее, нежели мнение о Шенгели-поэте или о Шенгели-теоретике.

Впрочем, и переводы Шенгели не раз бывали предметом полемики, не всегда, замечу, *добросовестной*, убедительно аргументированной, поэтому стоит, по-моему, приглядеться к ним пристальней, они того стоят. К ним вполне применимы пушкинские слова, сказанные о переводах Жуковского: «В бореньях с трудностями силач необычайный»...

Он ведь и задачи себе ставил, о каких другому и помыслить боязно было бы: перевести *всего* Байрона, *всего* Гюго, *всего* Верхарна, – и... решал их.

Всякий раз находя решение, годное именно для этого поэта, не похожего на другого, чьи стихи переведены той же рукой, рукой Шенгели.

Вот, например, три французских поэта – Гюго, Эредиа, Верлен (эти переводы еще не напечатаны*, три очень разных поэта, три поэтических стиля, воссозданных Шенгели и включенных им в русскую поэзию).

Начну со знаменитой баллады Гюго «Турнир короля Иоанна», стремительный ритм которой и короткие звонкие строки как бы имитируют рискованно-театральный рыцарский поединок:

Çà, qu'on selle,
Écuier,
Mon fidèle
Destrier.
Mon cœur ploie
Sous la joie,
Quand je broie
L'étrier.

Par saint Gille,
Viens-nous-en,
Mon agile
Alezan ;
Viens, écoute,
Par la route,
Voir la joute...

И вот как это передано Шенгели:

---

* Завершенная в 1945 году книга «Поль Верлен. Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов в переводах с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели» вышла полвека спустя, в 1996 году, к столетию со дня смерти Верлена. – В. П.

Паж, вставайте,
Не до сна!
Мне седлайте
Скакуна.
Я ликую, чуть почую
Повод, сбрую,
Стремена.
Нам же с громом
Жить пора,
Жантильомам
От двора:
Путь наш главный –
В жажде славы,
Бой кровавый –
Нам игра!..

Здесь и сложный размер, и словесное богатство, и удивительная пластичность стиха, и, главное – *впечатление* от этого стихотворения, звучащего по-русски, чрезвычайно близко к тому впечатлению, какое производит оригинал...

Шенгели переводил Гюго, можно сказать, в годы своей творческой зрелости, когда неудача, конечно, возможна, однако опыт и мастерство с большею вероятностью позволяют рассчитывать на успех.

Иное дело – сонеты Эредиа, по сути, первая значительная работа двадцатитрехлетнего Шенгели-переводчика, выполненная, правда, «под редакцией» куда более искусственного в этом занятии и блестящего знатока «оригиналов» Максимилиана Волошина. Первый вариант переводов, присланный мастеру, был испещрен пометами, замечаниями, точными и тактичными волошинскими советами. Все это Шенгели благодарно принял, учел, многое сделал заново – и вышедшую в 1920 году книжку, куда вошло сорок сонетов Эредиа, посвятил Волошину. О результате той работы можно судить, ну, хотя бы, по этому сонету – «Старый ювелир»:

Почет не нужен мне. Пусть книга цеховая
Приемлет подписи: Арфе и Бецерил.

Я шлифовал рубин, карбункул и берилл,
В рельефы чаш и ваз их тщательно вправляя.

И душу вечную на муки обрекая,
В мои эмали я вдохнул греховный пыл:
Не страждущий Христос, не кроткий Гавриил
Изображен, – а Вакх и страстная Даная.

Игрой дьяволом направленной руки
Я золото врезал в дамасские клинки,
О рае думая небрежно и лениво.

Теперь же, ослабев под бременем годов,
Хочу я умереть, трудясь благочестиво:
Ковчежец золотой чеканя для Даров.

Характерный для Эредиа изысканный стиль передан здесь с тонкостью необычайной, гармонично и точно.

И, наконец, Верлен.

«Методика перевода Верлена, – писал Шенгели, – варьирует от стихотворения к стихотворению. В некоторых его стихах точное значение слов играет лишь подсобную роль, и художественное впечатление создается игрой звуков. В этом случае переводчику надлежит схватить общий смысл, передать фонетику оригинала»...

Такова теория. А вот и *практика* – «Марина». По-французски оно таково:

L'Océan sonore
Palpite sous l'œil
De la lune en deuil
Et palpite encore,

Tandis qu'un éclair
Brutal et sinistre
Fend le ciel de bistre
D'un long zigzag clair,

Et que chaque lame,
En bonds convulsifs,
Le long des récifs
Va, vient, luit et clame,

Et qu'au firmament,
Où l'ouragan erre,
Rugit le tonnerre
Formidablement.

Простые слова, банальные образы, но блистательность и легкость перезвучий и крайняя выразительность последней строки, заполненной одним словом, на которое ложится трехритмический акцент, создают впечатление нарастающего напряжения, увенчанного громовым раскатом. Удивительные стихи – и для перевода невероятно трудные. Шенгели одолевает эти трудности, не давая читателю и намека на усилия, какие для этого потребовались, как будто совсем непринужденно:

Ропот океана
Рвется по волне,
К траурной луне
Рвется неустанно.

Молниенный зигзаг,
Грубый и зловещий,
Рассекает резче
Неба медный мрак.

Судорожно скачет
Каждый буйный вал
По уступам скал,
Блещет, плещет, плачет.

В небесах темно,
Буря с тьмой знакома,
И рычанье грома
Нагромождено.

Все сказанное об оригинале очевидно можно отнести и к переводу, вплоть до *трехакцентной* последней строки – из одного-единственного слова...

Или – одно из самых знаменитых стихотворений Верлена – «Осенняя песня», его и Брюсов переводил, и Сологуб, и другие поэты пытались передать по-русски эти совсем короткие, словно бы из одних созвучий состоящие строки:

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon cœur
D'une langueur
Monotone.

Tout suffocant
Et blême, quand
Sonne l'heure,
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure...

Но, пожалуй, никому до Шенгели не удавалось добиться такой слаженности тончайшего ритма и естественного звучания:

Он полон, дол
Осенних виол
Долгим стоном.
Томи мой дом
Гимном истом
Монотонным.

Бледнею. Ком
В горле. О ком
Бредит время?
Ах, все давно
Схоронено
С днями, с теми...

Трудно представить себе более близкую передачу этих *поворотов стиха*, чем та, которая воспроизведена в этом переводе.

И еще одно стихотворение – сонет, который тоже переводили до Шенгели, и не раз, те переводы найти нетрудно, пусть читатель сам попробует решить – кто первенствовал в этом заочном творческом *состязании*. А я на сей раз хочу обойтись без сравнения с оригиналом, пусть мне поверят на слово, что и тут – все очень точно и верно, просто доставляю себе удовольствие своей рукой воспроизвести на бумаге этот перевод – замечательные *русские стихи*:

Я – Рим, империя на рубеже паденья,
Что, видя варваров громадных у ворот,
Небрежный акростих рассеянно плетет,
И в стилос золотой – закат струит томленья.

В душе, пустой насквозь, тоска до отвращения.
Там, где-то, говорят, кровавый бой идет.
О! Нету сил пойти на зов столь слабый тот,
Нет воли жизнь зажечь хотя бы на мгновенье!

О! Нету воли жить, и умереть нет сил!
Да, все уж допито... Брось хохотать, Вафилл!..
Всё допил, всё доел. Но продолжать не стоит...

Есть: глуповатый гимн, что надо сжечь тотчас,
Есть: нерадивый раб, что презирает нас,
Есть: боль невесть о чем, что вечно в сердце ноет!

Здесь, по-моему, отчетливо видно, что Шенгели-переводчик органически неотделим от Шенгели-поэта. Потому что в его собственных стихах обнаруживается многое, что легло в основу грандиозной переводческой работы. И прежде всего – высочайшая культура, свободное движение мысли и чувства во времени и пространстве истории, чуткость к ритмам и рифмам истории, скажем, Александрия, город риторов, поэтов и ученых, – «скульптурный зал библиотеки» – и вокзал осажденного интервентами города, – что общего между ними? Внутреннее созвучие, ритм, поэзия...

Характерны в этом смысле цикл «Люди и страны», такие стихотворения, как «Александрия», «Карфаген» и некоторые другие, где поэт показал себя мастером, если угодно, *исторического ландшафта*.

«На ядовитом древе жизни есть только два не отравленных плода. Это поэзия и общение с благородными людьми», – гласит индийская мудрость «Хитопадеша».

Георгий Шенгели отдал всю свою жизнь поэзии. И в общении со всеми нами являл высокий образец человеческого благородства!

Александр Квятковский

Рыцарь поэзии

Люди часто ошибаются в суждениях о своих современниках – деятелях культуры. Или перехваливают их, или слишком порицают, или слишком спокойно проходят мимо, не поняв всей значительности совершенного ими дела. К последней категории наших современников следует отнести и Георгия Аркадьевича Шенгели – культурнейшего переводчика мировых поэтов, тонкого мастера поэзии, исследователя русского стиха. Его любовь к поэзии была беспредельной, а познания в ней – огромны.

Наша печать не балует нас сведениями о живущих поэтах. Теперь, когда Шенгели ушел из жизни, можно вкратце рассказать о его пути в мир поэтического искусства, о личности и делах этого рыцаря русской поэзии. Сделать это тем более необходимо, что нынешняя молодежь, вероятно, плохо представляет себе облик поэта, такого строгого при первом знакомстве и такого сердечно-по своей сущности.

Уважая чужое мнение, он не выносил лицемерия и утайки. Бесстрашие прямоты и защита справедливости – отличительные черты характера Георгия Шенгели. Ведь и по образованию он был юристом, защитником прав человека.

Вот некоторые вехи из биографии этого прекрасного человека.

Родился Георгий Шенгели в 1894 году на Кубани, в городе Теремке, который упоминается в русских былинах. Отец его был русским адвокатом. В восемь лет будущий поэт остался круглым сиротой, его воспитывала бабушка, учительница в Керчи. В 1914 году двадцати лет от роду Шенгели окончил керченскую гимназию, имея за плечами четырехлетний опыт сотрудника крымских газет и трехлетний опыт поэта. Как раз в это время в Керчь приехали шумные футуристы – В. Маяковский, И. Северянин, Д. Бурлюк и Вадим Баян. Шенгели показал им свои стихи, стихи понравились футуристам, особенно И. Северянину. И летом того же года в Керчи была издана первая книга стихов молодого поэта – «Розы с кладбища». Книга была слабая, подражательная, и автор вскоре сам снял ее с продажи.

Будучи студентом юридического факультета в Харьковском университете, Шенгели выпустил несколько брошюр стихов, став главой местных поэтов. В 1916 году вышел сборник его стихов «Гонг», отмеченный известным тогда критиком Юлием Айхенвальдом. Начинается печатание стихов в разных изданиях. В 1916 году он вместе с Северяниным совершил два турне по России с чтением своих стихов. Выступали они в Петрограде, Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и во многих городах Закавказья.

В 1918 году Шенгели организовал в Харькове первую в России студию стиха. Так началась его работа как стиховеда. Продолжая учиться в университете, он поступил на службу в качестве заместителя председателя, а затем председателя Харьковского Гублитто, устраивал вечера и лекции на предприятиях, в рабочих клубах. Весной 1919 года он был отправлен в Крым, работал комиссаром по делам искусств Севастопольского наробраза, а затем главным редактором Одесского губиздата. В Одессе вышла первая книжка его переводов – «Избранные сонеты Эредиа». Так начиналась деятельность Шенгели как переводчика. Затем последовало издание драматических поэм о Нечаеве и о Парижской коммуне. В 1921 году он начал переводить Верхарна. В марте 1922 года он переехал в Москву.

Этот несколько анкетный обзор жизни и деятельности Георгия Шенгели в предреволюционные годы и в первые годы совет-

ской власти – типичный путь многих молодых советских писателей того времени.

Начало московского периода жизни Шенгели тоже типично для поэта. Он сотрудничал в ряде столичных газет и журналов. Интересно отметить, что Шенгели, как и Маяковский, писал агитационные стихи для пресс-бюро Агитпропа ЦК партии. В 1929 году он написал по заказу Агитпропа стихотворную драму «Вся власть советам», она ставилась в рабочих и воинских театрах. Драматическая поэма «Броненосец «Потемкин» неоднократно шла в Морском клубе в Севастополе и в Московском театре Реввоенсовета. В 1938 году Шенгели участвовал в бригаде писателей, создававших сборник «Моя милиция». В 1939 году в Москве шла комедия «Мечь Калиостро», написанная Шенгели совместно с Багрицким в Одессе в 1921 году.

Будучи великолепным мастером стиха, Шенгели завоевал себе славу первоклассного переводчика. Он владел английским, немецким и особенно свободно французским языками. Поэтому неудивительно, что диапазон его переводческой деятельности очень широк. Он перевел почти всего Верхарна (восемнадцать тысяч строк), до пятнадцати тысяч строк Гюго (причем его книгу «Возмездие» впервые перевел полностью). Подвигом жизни Шенгели является его перевод всего Байрона (шестьдесят три тысячи строк), не издана лишь лирика великого английского поэта. Шенгели перевел поэму и две драмы в стихах Вольтера (около пяти тысяч строк), стихи Мопассана, Верлена, Бодлера и стихи поэтов Парижской коммуны. Кроме того, переведены стихи туркменского поэта Махтумкули, эстонца Барбаруса, таджика Лахути, Леси Украинки и других поэтов. Всего же переведено Шенгели свыше ста пятидесяти тысяч строк. Гигантский труд!

Насколько добросовестно, тонко и поэтично сделаны Шенгели переводы, можно судить по следующим авторитетным отзывам.

Правнук Виктора Гюго, художник Жан Гюго писал Шенгели: «Мой дорогой мэтр, я был глубоко тронут пришедшей Вам мыслью послать мне Ваш прекрасный перевод «Возмездия». Одному лицу, знающему русский язык, я поручил прочесть мне Вашу книгу и смог дать себе отчет, как *в детальной точности, так и в большой поэтической силе Вашего перевода.* Поздравляя Вас

и благодаря, я прошу Вас верить, мой дорогой мэтр, в мое восхищение и в мою симпатию. Жан Гюго».

Ленинградский профессор литературы А.А. Смирнов писал по поводу перевода «Возмездия» Гюго: «...прочел всю книгу от доски до доски, сличая каждую строку с подлинником, вдумываясь в каждый образ и выражение, и скажу со всей откровенностью, что не нахожу слов, чтобы выразить мое восхищение. Какая изумительная точность, какая вдумчивость, какое мастерство! Прямо не верится, что так легко, так блестяще разрешены трудности подлинника, казавшиеся неразрешимыми. *Я считаю эту книгу одной из лучших существующих на русском языке книг переводной поэзии*».

Харьковский писатель и критик А.А. Станкевич писал к Шенгели: «Ваш перевод конгениален. «Возмездие» звучало по-французски, Вы заставили его звучать по-русски – *на той же высоте поэзии*».

И наконец – отзыв академика А.И. Белецкого: «Перевод этот мне представляется *величайшим Вашим достижением* в области перевода – не перевода, а *гениального воссоздания*».

Чтобы дать представление о силе переводческого мастерства Шенгели, о его кованом стихе, я прочитаю отрывок из «Возмездия» Гюго – описание битвы при Ватерлоо, где Наполеон потерпел поражение:

Темнело. Битва шла, упорная до бреда.
Шло наступление; была в руках победа.
К лесистому холму прижат был Веллингтон.
В трубу подзорную глядел Наполеон
На центр сражения, где, как терновник страшный,
Сплелись противники в безумной рукопашной.
На темный горизонт, на полный тайны тыл.
И вскрикнуть радостью: «Груши!» – то Блюхер был!
Надежда в этот раз переменила знамя.
Сражение, с грудью грудь, – росло, ревя, как пламя.
Картечь английская сметала в прах каре.
Знамена рваные метались, как в костре.
И поле, полное бряцаньем, лязгом, стоном,

Казалось кратером, безумно раскаленным,
Куда вдруг рушились полки, куда подряд
Валились, точно рожь, изведавшая град,
Султаны пышные тамбурмажоров рдяных, –
И кровь горячая ключом бурлила в ранах.

Какая чеканная фактура настоящего русского стиха, идущего от «Полтавы» Пушкина! В этих строках – ни грана от переводческой осторожности и неточности, так часто встречающихся в нашей переводной поэзии. Шенгели настолько проникся духом поэзии Гюго, что применил для вящего блеска такие тонкие аллитерации, как –

...На темный горизонт, на *полный тайны тыл*...
...И *поле, полное* бряцаньем, лязгом, стоном...

Как видите, отзывы Смирнова, Белецкого и Станкевича о переводах «Возмездия» Гюго совсем не носят характера комплиментарного расшаркивания.

Можно было бы привести еще ряд примеров ма́стерской работы Шенгели как переводчика, но, как говорит французская поговорка, чтобы узнать вкус вина, незачем выпивать всю бочку, для этого достаточно и рюмки.

От переводов Шенгели перейдем к его оригинальным стихам, которые менее известны широкой читающей публике, поскольку он редко выпускал книги своих стихов. Последнее издание – сборник «Избранные стихи» Шенгели – относится к 1939 году. Там собраны вещи 1914-1936 годов, итог двадцатипятилетней поэтической работы. Это – небольшая книжка в скромном сером переплете, в ней пятьдесят восемь стихотворений и две поэмы – «Поручик Мертвецов» и «Ушедшие в камень». Это поэтический рассказ о гражданской войне и, в частности, о том, как в 1919 году, спасаясь в керченских каменоломнях от белогвардейского террора, в течение шести месяцев большевики вели борьбу путем героических вылазок. «Ушедшие в камень» – одна из самых сильных советских поэм о гражданской войне. Нужно удивляться тому, что наша критика так прохладно (если не сказать –

равнодушно) прошла мимо этой поэмы, полной ума, патриотической взволнованности и блистательного мастерства. Послушайте, как написана эта поэма. Вот картина состояния России в те годы:

...Приходилось туго.
Заводы стыли. Прятал хлеб кулак.
Сыпняк блуждал, вокруг измена зрела,
Вздуваясь гнойниками.
Старый мир:
Бесхлебье, бессапожье, бездорожье,
Изнеженность, истрепанность, измор,
Невежество, неверье, неуменье, –
Все пыжилось, хрипело, упиралось,
Дрожало, ныло, ляскало зубами,
Брело на цыпочках, ползло на брюхе,
Из-за угла высывало нос,
Ухмылку; заносило нож, дубину,
Мешая жить, мешая создавать...

...Но шла Россия. Шел литейщик, пахарь,
Боец, подвижник. Тяжко, трудно шел.
Неодолимо шел! К социализму!
Страна казалась тигровой шкурой
В чересполосице властей, режимов,
Фронтон, бандитских гнезд, армейских групп.
И витязем, поднявшим эту шкуру,
Провидевшим грядущее во мгле,
Был скромный, мудрый человек в Кремле...

Трудно было ушедшим в камень революционерам. Вот как это описано в поэме:

Вползает в небо медленный, как лимфа,
Еще один пустой и долгий день.
Сменяются дозоры. Пробудясь,
На воздух выползают люди, жадно
Его лоя распахнутыми ртами,

И, надышавшись, снегом трут лицо
И руки (умываться нечем); после
Мангалки разжигают, в котелках
Растапливают снег, пьют чай с ломтями
Похожего на торф сырого хлеба, –
Как можно дольше пьют; потом сидят,
Перемогая холод, лишь бы вновь
Не лезть в издышанные катакомбы.
Но – невозможно. И безглазый мрак
Глокает всех; опять ложатся дрыхнуть,
Но нету сна, как воздуха и света, –
И длится пытка временем...

С замечательным лаконизмом описал Шенгели момент, когда находившиеся в катакомбах люди, узнав, что Красная Армия гонит белых из Крыма, решили ударить в тыл белогвардейцам:

...а нетерпение растет,
А своды черные невыносимы,
А от сырого теста и воды
Испорченной свистит дизентерия,
А раненые бредят...
И у всех
Рождается и, наливая мышцы,
Решенье созревает: грянуть в тыл.
Подсчет бойцов: сто двадцать; пулеметов:
Четыре (пулеметных лент: шестнадцать;
Гранат: полсотни; мужества и гнева:
Без меры.
Хватит. Город будет взят.

Помимо изданных стихов поэт оставил после себя много стихотворений, которых хватит на два добрых сборника. Вы услышите стихи в исполнении Владимира Владимировича Рогова. Я лишь бегло коснусь характеристики лирических стихов поэта. Шенгели принадлежит к той плеяде русских поэтов, во главе которых в девятнадцатом веке стоял Баратынский, а в двадцатом

веке – Брюсов. Обычно о таких поэтах говорят как о рассудочных, якобы лишенных того непосредственного лиризма, какой свойствен поэтам типа Блока или Есенина. Это неверно. Верно лишь то, что и Баратынский, и Брюсов, и Гумилев, и Мандельштам, и, если хотите, Заболоцкий или Антокольский, и другие – это поэты скорее мысли, чем чувства. Но они не лишены лиризма, как это порой кажется. Я бы сказал, что все эти поэты – художники огромной внутренней выдержки, это поэты-интеллектуалисты, не позволяющие себе роскоши раскрыть душу до отказа. Шенгели так и сказал о себе в стихотворении, посвященном Анне Ахматовой: «Он с Музой сам неоткровенен был». Шенгели – строгий поэт, стих его всегда строг, отчеканен и выверен по ватерпасу мастерства. Не будет большой исторической ошибкой, если сказать, что все поэты этой категории идут от Ломоносова (восемнадцатый век) и даже от Симеона Полоцкого (век семнадцатый). В этом есть своя историческая закономерность. Это поэты с каким-то эпическим или лиро-эпическим уклоном, в отличие от лирических поэтов, зачинателями которых в России были Тредиаковский и Сумароков. Исторически лирика – порождение более позднего периода, нежели эпос.

Остается коротко сказать еще о Шенгели как о теоретике русского стиха. Стиховедение это особый раздел поэтики, науки о художественных средствах художественной же литературы и особенно поэзии. Шенгели – один из крупнейших русских стиховедов. Среди многих его книг по теории стиха лучшими являются «Техника стиха» и «Трактат о русском стихе», где он отлично обследовал строение самого популярного в России стихотворного размера – четырехсложного ямба, установив восемь форм модуляций этого размера. В скором времени выйдет в свет новая, посмертная книга Шенгели по теории русского стиха – итог его тридцатипятилетнего изучения этого вопроса.

Я заканчиваю. Но мне хотелось бы сделать небольшое отступление от прямой темы нашей беседы, но имеющее непосредственное отношение к Шенгели.

Я уже упоминал о том, что Шенгели был знаком со знаменитым некогда русским поэтом Игорем Северяниным, который в 1917 году на состязании поэтов в зале Политехнического му-

зая получил от публики звание «короля поэтов» (Маяковский получил тогда звание «принца поэзии»). С 1927 года Шенгели вел переписку с Игорем Северяниным, жившим в то время в Эстонии. Шенгели получил от Северянина девятнадцать писем, это, кажется, единственное в СССР эпистолярное наследство поэта. Из писем видно, что Северянин жил в местечке Тойла, около Таллина. Жил очень бедно. Книги не издавались.

В сентябре 1927 года Северянин писал к Шенгели: «Мы живем замкнуто, почти никого не видим, да и некого видеть здесь: отбросы эмиграции и рыбаки, далекие от искусства».

В сентябре 1940 года Северянин писал: «Капиталистический строй чуть не убил во мне поэта: последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал... Положение мое здесь из рук он плохо: нет ни работы, ни средств к жизни, ни здоровья. Терзают долги и бессонные ночи».

В январе 1941 года он писал: «Последние силы иссякают в неопределенности. А я мог бы, мне кажется, еще быть во многом полезен своей обновленной родине».

В сороковом Шенгели помог напечатать в журнале «Красная новь» несколько стихотворений Северянина. Ему переслали гонорар – что-то около трехсот рублей. Поэт был счастлив. Семья его некоторое время была сыта.

В одном из писем Северянин писал, что нищета его дошла до предела. У него остался один пиджак, настолько заносенный, что он стеснялся в нем выходить на улицу и не мог посещать театр или кино. В марте сорок первого жена Северянина, учительница средней школы Вера Борисовна Коренди писала: «Положение наше трагично и ужасно... Чем жить в Тойле, как работать, не имея ни гроша, – не знаю... Пришлось продать макинтош, чтоб смочь существовать»...

В дни войны Игорь Северянин не успел эвакуироваться из Эстонии в Россию. Он умер в оккупации в 1941 году, в нищете.

Я говорю вам обо всем этом потому, что Георгий Шенгели был единственным из советских писателей, кто поддерживал отношения с Игорем Северяниным, одноклассник избранных произведений которого готовится в настоящее время к изданию...

Как мы видели, весь свой большой талант, свой ум и душу – всю свою жизнь Георгий Шенгели посвятил служению поэзии. Трудолюбивейший среди наших писателей, он безраздельно и самозабвенно служил своему любимому искусству – искусству поэтического слова. Это был великий труженик, рыцарь поэзии.

Публикуемый текст Л.П. Гроссмана впервые прозвучал на первом вечере памяти Шенгели в конце февраля 1958 года в Центральном доме литераторов под председательством С.В. Шервинского. Времена еще были *туманные*, выступавшие понимали, что их задача – помочь жене Шенгели Нине Леонтьевне Манухиной в *реабилитации* многолетне опального поэта и ее, увы, не удавшейся попытке издать подготовленный однотомник его сочинений. Вероятно, поэтому Гроссман ограничил себя темой «Шенгели-переводчик».

Пять лет спустя, в день седьмой годовщины со дня смерти поэта, 16 ноября 1963 года, под председательством самого Гроссмана поминали Шенгели на «Исполнительном заседании литературного общества «Никитинские субботники». Леонид Петрович сосредоточился на воспоминаниях об одесской литературной жизни времен Гражданской войны, на знакомстве там с Шенгели и некоторых дальнейших, по большей части деловых встречах с ним. От этого выступления в архиве Гроссмана – лишь фрагменты-черновики.

Протокол того «заседания» сохранился. Кроме председательствовавшего выступали В.А. Бугаевский, А.П. Квятковский, А.А. Тарковский. Стихи Шенгели, почти все к той поре неопубликованные, читали Владимир Рогов, Владимир Бугаевский, Мария Петровых, Арсений Тарковский и Аркадий Штейнберг.

Л.П. Гроссман. Перевод поэзии и поэзия перевода

Гроссман Леонид Петрович (1888-1965) – литературовед, прозаик.

Очерк, прочитанный на вечере памяти Шенгели в 1958 г., публикуется впервые.

...цикл «Люди и страны»... – цикл из тринадцати стихотворений, вошедший в книгу Шенгели «Планер» (1935).

«Хитопадеша» – санскритский сборник *басен* (коротких нравоучительных историй) в прозе и в стихах, составленный в XIV-IX вв. до н. э.

А.П. Квятковский. Рыцарь поэзии

Квятковский Александр Павлович (1888-1968) – литературовед, теоретик стиха, поэт.

Судя по рукописным наброскам и машинописным вариантам, копии которых, равно как и публикуемый текст, любезно предоставил мне сын Квятковского Ярослав Александрович, это выступление *ведущего* на втором вечере памяти Шенгели, 11 мая 1960 года, нелегко далось Квятковскому. Очень похоже на то, что он твердо решил следовать задаче, которую ставили перед собой все вечера памяти Шенгели, состоявшиеся в первые десять лет после его смерти (всего их было пять): *вернуть* его в литературу, то бишь издать максимально полно его наследие, и прежде прочего – стихи и поэмы, из которых при жизни автора было опубликовано не более четверти, а то и меньше, а из написанного в последние двадцать лет жизни, то бишь наиболее зрелого и сильного, – всего ничего... Думается, именно потому Квятковский, неплохо знакомый с «поздним» Шенгели, столь явно, акцентированно *советизирует* его – и пространно цитирует лишь одно, и, на мой взгляд, не самое удачное сочинение поэта – написанную в 1937 (!) году и вскоре опубликованную поэму «Ушедшие в камень». Из остального – ни строки. О прочем, как он сам определяет, «бегло», в одном абзаце, так сказать, вводя Шенгели в *контекст* истории русской поэзии двадцатого, девятнадцатого и даже восемнадцатого века. Увы, и эта попытка издать Шенгели не удалась. Его стихам и поэмам пришлось дожидаться публикаций еще четверть века...

Текст выступления публикуется впервые.

Смирнов Александр Александрович (1883-1962) – историк литературы, переводчик.

Станкевич Александр Александрович (188?–1959) – прозаик, критик.

Белецкий Александр Иванович (1884-1961) – историк литературы и театра, академик.

Рогов Владимир Владимирович (1930-2000) – переводчик, поэт; с гордостью именовал себя «учеником Шенгели», с которым познакомился восемнадцатилетним, был страстным его почитателем и пропагандистом, в частности, не раз устраивал читки его стихов и переводов (исполнял из замечательно) на вечерах-встречах, которые регулярно ежемесячно проводил в Доме Брюсова (на Первой Мещанской, ныне – Проспект мира, 30), в большей части которого еще при жизни Иоанны Матвеевны располагалась библиотека (ныне – Музей Серебряного

века); лишь в самые последние годы жизни, уже тяжело больной, перестал появляться среди гостей падчерицы поэта Ирины Сергеевны Мануиной на годовщинах памяти Шенгели...

«Трактат о русском стихе» – Одесса, 1921; второе издание, «переработанное» (почти вдвое большее по объему), – М. – Пг., 1923. Эта книга сделала Шенгели «действительным членом» Государственной академии художественных наук (ГАХН).

...новая посмертная книга Шенгели по теории русского стиха... – вышедшая в том же году с предисловием Л.И. Тимофеева (он и подготовил издание) «Техника стиха» – лишь часть «труда жизни» Шенгели, «Русское стихосложение», не изданного по сию пору.

В сороковом Шенгели помог напечатать в журнале «Красная новь» несколько стихотворений Северянина... – в сорок первом, и не только в «Красной нови», но и в «Огоньке»: «Красная новь», № 3 – «Привет Союзу» и «Стихи о реках»; «Огонек», № 13 (736) – «О том, чье имя вечно ново...».

...был единственным из советских писателей, кто поддерживал отношения с Игорем Северяниным... – автор не упоминает о том, насколько подобное общение с эмигрантом было рискованно, резонно рассчитывая, что слушателям сие понятно и так; три года спустя, готовясь выступить на вечере, посвященном семидесятилетию со дня рождения Шенгели, Квятковский добавил еще два эпизода, свидетельствующих об отзывчивости Шенгели на беду, постигшую другого. Написал, что Георгий Аркадьевич в сорок шестом поддержал Ахматову – после погромного доклада Жданова, и как в сложной ситуации помог ему самому: «В 1937 году, после бессмысленной трехлетней «командировки» на север, я возвратился в Москву. Многие знакомые на улице и в стенах издательств проходили мимо меня, не замечая или делая вид, что не замечают. Печататься мне было очень трудно. При первой же встрече Георгий Аркадьевич, с которым был тогда мало знаком лично и против которого по групповой глупости я выступал в 20-х годах, первым подошел ко мне (в Гослитиздате на Б. Черкасском переулке); осведомился о моих делах и сразу предложил мне переводы. Через некоторое время он, узнав, что я работаю над «Словарем поэтических терминов», дал мне прекрасную рекомендательную записку к П.Ф. Юдину (заведовавшему тогда ГИЗ'ом), который сразу же вызвал к себе из Словарного издательства человека и сказал ему о возможном издании моего «Словаря». Вскоре

я заключил договор с издательством, и «Словарь» вышел в 1940 году. Уже после выхода в свет моей книги я узнал от того же работника издательства о том, что один из известных в Москве литературоведов-конъюнктуристов, прослышав о моем договоре на «Словарь», прислал в издательство кляузное письмо, в котором всячески поносил меня, особенно подчеркивая факт моего репрессирования. К чести издательства, авторитетное имя Шенгели перевесило имя автора-доносчика». К этим сведениям о *прикосновенности* Шенгели к первому изданию *главного труда* жизни Квятковского, *прообраза* его будущего «Поэтического словаря», стоит, по-моему, добавить, что «работником издательства», от коего Квятковский узнал о *заклочениях* своей книги, был ее редактор – Сергей Михайлович Бонди...

...*готовится в настоящее время к изданию*... – «готовилась» книга довольно долго, вышла она лишь пятнадцать лет спустя.

Публикация Вадима Перельмутера

